

Шутая Наталья Константиновна, Береснева Людмила Николаевна

**"ПОДГОРОДНЫЙ" МОНАСТЫРЬ КАК КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ"**

В статье рассматривается локус "подгородного" монастыря, его топографическая неоднородность и роль в художественном пространстве романа Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы". Доказывается, что "подгородный" монастырь уездного города Скотопригоньевска, реальным прототипом которого является Старая Русса, заключает в себе сюжетное и идейно-смысловое развитие романа. Утверждается, что метафора монастыря становится принципиальной в раскрытии важнейшей проблемы - соотношения греха и святости, борьбы добра и зла в сердце человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 1. С. 58-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Взгляд. Деловая газета [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2016/10/27/840583.html> (дата обращения: 24.01.2018).
2. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет; КДУ, 2009. 234 с.
3. Демьянов В. З. Интерпретация политического дискурса СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. 133 с.
4. Иванова С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 29-33.
5. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1970. 230 с.
6. Кабирова Г. У. Оценка как языковой концепт // Актуальные вопросы филологических наук: материалы междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). Чита: Молодой ученый, 2011. С. 85-87.
7. Прищепчук С. А. Структурно-семантические и функциональные особенности категории оценки в аспекте ее реализации при переводе политического дискурса // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 6. С. 6-10.
8. Соколов В. М. Формирование образа «новой» России в общественном сознании Великобритании в начале 1990-х гг.: автореф. дисс. ... к. культурологии. М., 2010. 31 с.
9. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1972. 125 с.
10. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
11. The Economist [Электронный ресурс]. URL: www.economist.com (дата обращения: 11.12.2016).
12. The Guardian [Электронный ресурс]. URL: www.theguardian.com (дата обращения: 14.12.2016).
13. The Independent [Электронный ресурс]. URL: www.independent.co.uk (дата обращения: 08.12.2016).

FORMATION OF POSITIVE IMAGE OF THE RUSSIAN STATE IN THE BRITISH MASS MEDIA

Savel'eva Nelli Khismatullaevna, Ph. D. in Pedagogy

Pikhtovnikova Yuliya Viktorovna

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg
nellik1983@mail.ru; yuliya.pikhtovnikova@mail.ru

The article is devoted to identifying the image of Russia in the authoritative printed editions of Great Britain. The paper examines the principles of efficient cooperation between two countries at the political and economic levels, analyzes different ways to form the image of a country. The authors conclude that the image of the state is a complicated integrated phenomenon, which depends on the worldview developed in public conscience and is determined by culture and stereotype thinking. It's important to consider this fact when organizing an intercultural dialogue.

Key words and phrases: social assessment; assessment of information streams; intercultural interaction; culture; public conscience.

УДК 82-31

В статье рассматривается локус «подгородного» монастыря, его топографическая неоднородность и роль в художественном пространстве романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Доказывается, что «подгородный» монастырь уездного города Скотопригоньевска, реальным прототипом которого является Старая Русса, включает в себе сюжетное и идейно-смысловое развитие романа. Утверждается, что метафора монастыря становится принципиальной в раскрытии важнейшей проблемы – соотношения греха и святости, борьбы добра и зла в сердце человека.

Ключевые слова и фразы: Ф. М. Достоевский; русский роман; художественное пространство; монастырь; церковный суд.

Шутая Наталья Константиновна, д. филол. н., доцент

Береснева Людмила Николаевна, к. пед. н., доцент

Российский государственный университет правосудия, г. Москва
Shutaya@yandex.ru; mila1012101@mail.ru«ПОДГОРОДНЫЙ» МОНАСТЫРЬ КАК КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Исследование художественного пространства литературного произведения – один из важнейших компонентов литературоведческого анализа. При этом если речь идет об анализе такого сложного жанра, как роман, то важно учитывать структурное своеобразие романного пространства.

Под романным пространством понимается условное пространство, в котором разворачивается действие романа в целом или в отдельной его части. Ранее нами уже отмечалось, что «высокая значимость художественного пространства романа, представляющего собой комплексное, собирательное понятие и охватывающего весь спектр пространственных характеристик романа, вытекает из сущностных жанровых характеристик романа» [4, с. 150]. При этом топология и топография романного пространства предопределяется взаимным расположением, смысловым соотношением географических локаций, с которыми связаны определенные события и герои романа [3, с. 162].

В художественном пространстве романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» важное место занимает пространственное сопоставление города и монастыря.

Общеизвестно, что основные события романа «Братья Карамазовы» происходят в уездном городе Скотопригоньевске, реальным прототипом которого является Старая Русса. Г. М. Фридендер, касаясь причин, побудивших избрать местом действия маленькие города, пишет: «Достоевский переносит действие из Петербурга в провинцию для того, чтобы показать, что в России не осталось ни одного самого тихого уголка, где бы не кипела скрытая борьба страстей и не ощущались с большей или меньшей силой напряженность и острота поставленных жизнью вопросов» [2, с. 117]. А. Я. Эсалнек также полагает: причина интереса к небольшому губернскому городку «объясняется тем, что идеологическая крамола, таящая в себе немалую опасность, распространяется, по мнению Достоевского, по всей России» [5, с. 133]. Однако значительная часть романного действия вынесена за пределы города, в пространство «подгородного» монастыря.

Первое упоминание о монастыре, в самом начале романа, вплетено в сложную биографию одного из главных героев – Дмитрия Карамазова, сына Федора Павловича Карамазова от первой его жены Аделаиды Ивановны. Осиротевшему в младенчестве и совершенно заброшенному отцом Мите «почти целый год пришлось... пробыть у слуги Григория и прожить у него в дворовой избе» [1, с. 16]. Косвенной причиной к перемене его судьбы послужила тяжба с монастырем его дяди по матери Петра Александровича Миусова, родовое поместье которого граничило с монастырскими угодьями. Вступив в наследство, Миусов приехал в Скотопригоньевск, задержался там на некоторое время, начав судебный процесс с «клерикалами» за право «каких-то ловель в реке или порубок в лесу» [Там же], а попутно узнал о том, что у него есть племянник, и решил принять участие в его судьбе.

Думается, что мотив судебной тяжбы помещика с монастырем неслучаен в романе Достоевского. Он отражает важную смысловую доминанту русской культуры – конфликтную сопряженность монастырского и мирского, сакрального и профанного пространств. Как свидетельствует история, почти везде, где возникали монашеские обители, неизбежно рано или поздно они должны были вступить в противостояние с окружающим их внешним миром, покушающимся на занимаемое ими место.

Представляя читателю второго сына Федора Павловича – Ивана Карамазова, повествователь также упоминает «подгородный» монастырь: оказывается, и туда «проникла» нашумевшая статья о церковном суде молодого и неизвестного автора. Когда же в монастыре узнали, что этим автором является Иван Федорович, то «заинтересовались и тем, что он уроженец нашего города и сын “вот этого самого Федора Павловича”». А тут вдруг к самому этому времени явился к нам и сам автор» [Там же, с. 24]. Здесь вновь, как видим, возникает мотив суда. Заметим, что если в романе «Преступление и наказание» автор подробно излагает содержание программной статьи Раскольникова, которая дает ключ к пониманию его поступка, то читатель «Братьев Карамазовых» так и не узнает, о чем же, собственно, была «странная» статья Ивана Федоровича, которую он «вдруг напечатал в одной из больших газет» [Там же, с. 23]. О ней лишь сказано, что «главное было в тоне и в замечательной неожиданности заключения», а также что как церковники, так и «гражданственники» и атеисты приняли автора за «своего», «некоторые догадливые люди решили, что вся статья есть лишь дерзкий фарс и насмешка» [Там же, с. 24], в самом же «подгородном» монастыре статья произвела «совершенное недоумение». Хотя автор романа и воздерживается от пересказа содержания статьи, через эти внешние ее характеристики он подготавливает своего читателя к восприятию двойственной и темной загадочной натуры Ивана Федоровича. А, кроме того, в рассказе о статье важно упоминание самой идеи церковного суда.

Третий сын Федора Павловича Карамазова, Алеша, также связан с «подгородным» монастырем, причем, в отличие от своих двух старших братьев, эта связь носит самый прямой и непосредственный характер: уже с первого своего появления на страницах романа Алеша предстает перед читателем «в ярске послушника», так как к началу основных событий фабулы он «уже с год как проживал... в нашем монастыре и, казалось, на всю жизнь готовился в нем затвориться» [Там же, с. 25]. Эта реальная, действительная связь, в то время как других двух братьев связывает с монастырем рассказчик, специально выявляя соответствующие обстоятельства. Складывается впечатление, что монастырь как локус романного пространства значим именно для рассказчика, от имени которого ведется повествование. Не случайно он часто называет его «нашим» монастырем.

«Подгородный» монастырь снискал себе особую славу благодаря старцу Зосиме, который, «допуская к себе столь многие годы всех приходивших к нему исповедывать сердце свое и жаждавших от него совета и врачебного слова, – до того много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрел прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришел, чего тому нужно и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово» [Там же, с. 40]. Келья старца Зосимы была открыта для всех, кто хотел получить духовную помощь, включая как цвет дворянства, так и самых простых и бедных крестьян.

В монастыре, в келье старца Зосимы, развертывается драматическая, «дошедшая до безобразия» сцена, в которой через диалог главных героев романа раскрывается вся сложная коллизия внутрисемейных отношений Карамазовых. Их встреча, запланированная как диалог, направленный на поиск компромисса, оборачивается скандалом, так как, попав в сакральное пространство кельи старца, они утрачивают способность сдерживать свои страсти, а поведение «злого шута» Федора Павловича Карамазова переходит все рамки допустимого, напоминая поведение кликуш, которые, оказавшись в пространстве храма, «визжали или лаяли по-собачьи на всю церковь» [Там же, с. 56]. Для старца, которого вне кельи ждали женщины-кликуши, приведенные к нему для исцеления, поведение Федора Павловича, как, впрочем, и других членов компании, понятно и не удивительно. На протяжении почти всей безобразной сцены он сохраняет молчание, а перед тем, как отпустить гостей, к всеобщему изумлению, совершает земной поклон перед Дмитрием Карамазовым, которому, как позже узнает читатель, предстоит понести крест безвинно осужденного за убийство.

Здесь-то мы вспоминаем об идее «церковного суда». Ведь, по сути, старец, заранее предвидя судьбу Дмитрия Федоровича, выносит ему свой оправдательный вердикт, между тем как мирской, гражданский суд впоследствии приговорит его к каторге за преступление, которого он не совершал. И не случайно беседа ожидающих в келье старца прибытия Дмитрия Федоровича вращается вокруг статьи Ивана Федоровича, которая «была написана на поднявшийся повсеместно тогда вопрос о церковном суде» [Там же, с. 23]. К решению этого вопроса автор подходит через соотнесение церкви и государства, используя для этого пространственные метафоры: по его мысли, «не церковь должна искать себе определенного места в государстве, как “всякий общественный союз” или как “союз людей для религиозных целей”..., а, напротив, всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь вполне и стать не чем иным, как лишь церковью, и уже отклонив всякие несходные с церковными свои цели» [Там же, с. 24]. Как поясняет сочувствующий идеям статьи иеромонах отец Паисий, «по иным теориям», если церковь не хочет «переродиться в государство... чтобы затем в нем исчезнуть, уступив науке, духу времени и цивилизации... то отводится ей в государстве за то как бы некоторый лишь угол» [Там же, с. 82]. В противоположность этому в статье Ивана Карамазова проводится идея, отвечающая «русскому пониманию и упованию», согласно которому «государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более» [Там же]. Такое слияние профанного пространства с сакральным пространством высшей истины и справедливости означало бы замену уголовных наказаний отлучением от церкви «преступного и непослушного», что исключило бы для преступника возможность сделки с совестью: «Я вас спрашиваю, куда бы пошел отлученный?» – говорит Иван Федорович, – «Ведь тогда он должен был бы не только от людей, как теперь, но и от Христа уйти» [Там же]. Иными словами, в этом чаемом, неразделенном мире не остается места для зла и преступления.

Пока же ограниченным пространством Истины, местом, где все тайное становится явным, освещаются темные уголки души, распутываются тугие узлы противоречий, для героев романа «Братья Карамазовы» является ограниченное пространство «подгородного» монастыря. С одной стороны, они стремятся войти в это сакральное пространство – специально едут в монастырь, чтобы в келье старца, представ перед светом «церковного суда», разрешиться от мучащих их противоречий – как междоусобных, так и внутренних. С другой же стороны, по приближении к свету правды, перед лицом старца, в них возникает и нарастает противление этому свету. Само пребывание в этом сакральном пространстве становится испытанием, которое не каждый может выдержать. Тем самым автор романа самым ходом событий романного повествования отвечает на вопрос, которому посвящена статья Ивана Карамазова: мир без границ между сакральным и профанным невозможен, мучителен для человека.

Заметим, что само пространство «подгородного» монастыря топографически неоднородно. Сакральным эпицентром этого пространства в контексте романа выступает внутреннее пространство кельи старца Зосимы. Следующий круг – это пространство скита, окруженное оградой, за которую пускают не всех. Третий круг – «деревянная галерея, приделанная к наружной стене ограды» [Там же, с. 61], вокруг которой обычно собираются женщины из простонародья, ждущие встречи со старцем, который говорит с ними и благословляет их с галереи. Здесь же, на галерее, есть помещение «для благородных посетительниц». Но это еще не все пространство монастыря. Есть дом игумена, который функционально служит связующим звеном между внешним, профанным пространством города с его мирскими заботами и сакральным пространством монастыря. Недаром же Миусов, будучи атеистом и антиклерикалом, охотно принимает приглашение на обед в дом настоятеля и даже после скандальной сцены в келье старца не отказывается от намерения туда попасть.

Таким образом, «подгородный» монастырь является не только важнейшим локусом художественного пространства романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», но и выступает важным связующим элементом сюжетной конструкции произведения, выполняет значительные идейно-смысловые функции. Через метафору монастыря автор раскрывает глубокую духовную проблему соотношения греха и святости, борьбы между добром и злом в сердце человека.

Список источников

1. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. Л. П. Гроссмана и др. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 9. 635 с.
2. Фридлиндер Г. М. Поэтика русского реализма. Л.: Наука, 1971. 294 с.
3. Шутая Н. К. О топографическом анализе романного текста // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 3 (55). С. 161-168.
4. Шутая Н. К. О топологии в русском романе // Социальная политика и социология. 2007. № 1. С. 150-160.
5. Эсалнек А. Я. Основы литературоведения. Анализ романного текста: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2004. 184 с.

“TOWN MONASTERY” AS A COMPONENT OF ARTISTIC SPACE OF F. M. DOSTOYEVSKY’S NOVEL “THE BROTHERS KARAMAZOV”

Shutaya Natal'ya Konstantinovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Beresneva Lyudmila Nikolaevna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Russian State University of Justice, Moscow
Shutaya@yandex.ru; mila1012101@mail.ru

The article analyzes the locus of “town monastery”, its topographical heterogeneity and the role in the artistic space of F. M. Dostoyevsky’s novel “The Brothers Karamazov”. The authors argue that “town monastery” of the provincial town Skotoprignoyevsk, the real prototype of which is Staraya Russa, is a dominant of story-line and ideological-conceptual development of the novel. It is shown that a monastery metaphor becomes the key one when approaching the essential problem – correlation of sin and sainthood, struggle of good and evil in the human heart.

Key words and phrases: F. M. Dostoyevsky; Russian novel; artistic space; monastery; ecclesiastic court.